

"Ты гребаное животное", - кричал я на отчима. "Ты не можешь продавать людей, и особенно ты не можешь продавать мою мать".

Он посмотрел на меня, его пороссячи глазки впились в тяжелое, измятое, неулыбчивое лицо. "Не будь таким наивным, маленький мальчик. Просто послушай хоть раз в своей глупой жизни. Я должен определенным людям, которые останутся неназванными, большую сумму денег, которых у меня нет. Твоя шлюха мать могла бы получить большую сумму, если бы я отправил ее определенным контактам в Западной Африке - они очень любят белое мясо, даже если оно такое же старое и использованное, как эта сука".

Я вскочил со стула, но мой отчим, крупный, жестокий мужчина, даже в пятьдесят лет все еще мог меня крепко избить, и я знал, что у него есть нож.

"Вернись на свое место, если не хочешь получить порку", - сказал он с сардонической ухмылкой. "Как вариант, я могу отдать ее своему главному кредитору, чтобы он использовал ее по своему усмотрению. Она может продержаться год, если ей повезет или не повезет, в зависимости от того, как вы на это посмотрите. С другой стороны, поскольку я чувствую себя щедрым, и мне не нужны никакие, скажем так, "осложнения", я готов продать ее вам по бросовой цене в 25 000 долларов. Соглашайтесь или нет, но я хочу получить ответ прямо сейчас".

Я знал, что могу позволить себе такую цену за наследство от двоюродной бабушки, но я не доверял своему отчиму дальше, чем на пинок. "Почему я должен тебе доверять? Как только ты получишь деньги, ты откажешься от сделки, и тогда мы окажемся в худшей ситуации, чем сейчас".

"Ну, тебе просто придется довериться мне. Частью сделки является полный комплект документов о разводе, и я не хочу больше попадаться вам на глаза. В моих интересах исчезнуть без лишних хлопот, и мы можем обменять товар на деньги здесь, но это должно произойти до конца недели. И наличными - никаких чеков, переводов или других отслеживаемых методов".

"А если я не соглашусь?" спросила я, хотя была уверена в ответе.

"Она исчезнет, оставив после себя убитого горем вдовца. И любая ваша глупость, пытающаяся убедить копов, что я имею к этому какое-то отношение, причинит вам существенную боль и вред".

Он держал меня на мушке, и мы оба это знали. Я вздохнула: "А мама знает об этой "сделке"?"

Еще одна сардоническая ухмылка подтвердила, что для нее это будет таким же большим сюрпризом, как и для меня.

Альтернативы были слишком ужасны, чтобы их рассматривать, и я знала, что он способен сделать именно то, что сказал. "Ладно, ублюдок, договорились".

"Полегче с оскорблениями, парень, или цена возрастет. Будь здесь в семь часов вечера в пятницу, и можешь забрать шлюху с собой".

Я бросил на него взгляд, который должен был заставить его свернуться калачиком и умереть, но все, что я получил, это усмешку и указание на дверь.

Мне удалось раздобыть наличные деньги, 250 сто долларовых купюр, немного пообщавшись с неодобрительным менеджером банка, и я прибыл к Реджу в назначенное время. Редж Рейнберд, мой отчим, и более неподходящего имени мне еще не приходилось слышать. Он кивнул мне на вход со своей фирменной усмешкой.

"Наличные есть?"

"Может быть. Где мама?"

"О, Марта, к тебе пришли". Я знала, как моя мама ненавидела это имя и всегда любила, чтобы ее называли вторым именем, Сьюзи.

Она появилась в дверях, не глядя на меня, но стоя на коленях в покорной позе перед моим отчимом. Шок от этой сцены, должно быть, ясно отразился на моем лице, так как он беззлобно рассмеялся.

"Не совсем то, что ты ожидала, да?"

Я не видела маму по меньшей мере двенадцать месяцев; Редж убедился в этом. Она изменилась до неузнаваемости: исхудала, волосы сальные, кожа серая и нездоровая, руки с обломанными ногтями. На ней было грязное, поношенное платье и стринги, но хуже всего - атмосфера страдания и полной безнадежности.

"Ну что ж, жалкая шлюха, я нашел того, кто готов купить твое бесполезное тело. Скажи "привет" своему новому хозяину".

Она повернулась и посмотрела на меня побежденными глазами, обильно одобренными страхом. Когда она поняла, кто будет ее новым "хозяином", ее глаза стали почти невероятно широкими, она закричала и упала в обморок.

"Тупая сука". Редж двинулся, чтобы пнуть ее, но я обругал его.

"Оставь ее в покое, Редж. Вот твои кровные деньги, теперь дай мне документы о разводе, и мы выберемся из этой вонючей змеиной ямы".

Он достал бумаги, и беглый взгляд показал, что они в порядке. Мама пришла в себя, но, к

удивлению, вцепилась в ноги Реджа.

"Пожалуйста, хозяин, вы не можете этого сделать. Он мой сын; я не могу вынести, чтобы он видел меня такой..."

"Заткнитесь и убирайтесь, вы оба. Меня тошнит от вас, слабаков. Я уйду отсюда сегодня вечером, и это последнее, что вы обо мне слышите".

Не говоря больше ни слова, я подхватил потрепанный картонный чемодан и два пластиковых пакета с покупками, в которых лежал мир моей матери, и повел ее к своей машине. Мы ехали обратно в мою квартиру в тишине, но она задыхнулась, когда увидела полный беспорядок, который предстал перед ее глазами.

"Извини, мама, но эта квартира стала слишком мала для меня, и я сейчас собираю вещи, чтобы переехать на новое место. Так что мы оба будем жить в этом беспорядке пару дней". Я нашел квартиру с 3,5 спальнями в долгосрочной аренде, и хотя она нуждалась в ремонте, в ней якобы водились привидения, так что аренда была очень дешевой.

"Да, хозяин, я искренне сожалею, что доставила вам эти проблемы". Она опустилась на колени в покорной позе.

"Ладно, сначала о главном. Пожалуйста, встань и прекрати этот бред про "хозяина". Я - Бретт, а ты - мама. Хочешь есть?"

Она кивнула. "Хорошо, мама, у меня есть для тебя некоторые инструкции. Во-первых, я хочу, чтобы ты приняла горячий душ, потом пришла сюда, и мы поедем. Потом я хочу, чтобы у тебя была ранняя ночь и ты как следует выспалась. Утром у нас будет хороший разговор".

Она исчезла, не издав ни звука; я подумал, что ей пришлось быть осторожной рядом с Реджем. Я приготовил кастрюлю спагетти "Болоньезе", достаточную, как мне казалось, для нас обоих, хотя мама была явно голодна. Как только она закончила, она бросилась убирать тарелки, но я притормозила ее. "Полежи немного, мама, а потом ложись спать".

Она повиновалась без колебаний и, посидев в тишине некоторое время, смотря телевизор и наблюдая за мной с некоторой неуверенностью, исчезла в постели. Я расположился в гостиной, и на следующее утро мне приснился чудесный сон. Моя любимая кинозвезда стояла на коленях рядом со мной, сосала мой член, проводя языком по головке и глубоко забирая меня в горло. Ее руки жонглировали моими яйцами, и она издавала бессвязные звуки похоти и желания. Я не отрывался от сна, моя кульминация становилась все ближе, прежде чем я проснулся и обнаружил, что это был вовсе не сон.

Моя мать стояла на коленях у края дивана, а мой твердый и возбужденный член был засунут глубоко в ее рот. Я рывком проснулся и закричал: "Мама, какого хрена ты делаешь?".

Она отстранилась от меня, проскакав по полу задом наперед с ужасом, преследующим страх на ее лице. "Мне с... жаль, ма... хозяин; эта шлюха м... должна будить хозяина таким образом в восемь часов каждое утро или будет жестоко наказана. Эта... эта с... шлюха извиняется за то, что поступила неправильно". Сказав это, она встала на ноги и коснулась пальцами ног, представляя мне свою попу для наказания.

Я знала, что нам предстоит решить еще много вопросов, но, возможно, не сейчас. "Мама, сходи за халатом, потом возвращайся, мы позавтракаем, а потом поговорим". Она снова появилась в старом рваном халате, но затем настойчиво попросила: "Хозяин, мой долг - приготовить тебе завтрак; пожалуйста, могу я обслужить тебя таким образом?".

Я чувствовал, что попытка слишком быстро сломать прежние модели поведения может создать проблемы, поэтому я согласился на яичницу с беконом, тосты и кофе. Она была быстра и очень эффективна, но затем ушла, опустившись в покорную позу, когда я приготовилась есть. "Нет, мама, независимо от того, что было раньше, мы едим вместе. Теперь приготовь себе все, что хочешь, и присоединяйся ко мне".

Она так и сделала, но наблюдала за мной исподтишка, пытаюсь понять, могу ли я разразиться гневом. Мы поели в тишине, затем оделись, оба почти одинаковые, в поношенных джинсах и футболках.

"Мама, - начал я, - ты теперь свободна от этого ублюдка, Реджа, и нам нужно прекратить эту чепуху про "хозяина". Я - Бретт, а ты - мама, и так и должно быть. Я вижу свою роль в том, чтобы защитить тебя и помочь тебе вернуться к настоящей Сьюзи. Хочешь, я организую для тебя психологическую консультацию?"

"Нет, нет, спасибо, ма... Бретт. Ты - все, что мне нужно, и я буду бесконечно благодарна, если ты сможешь быть рядом со мной, пока я снова обретаю себя. Хотя это будет нелегко, и иногда я могу вернуться к старым моделям поведения. Пожалуйста, простите меня, если это произойдет".

"Прощение не обязательно, но если вы чувствуете потребность в прощении, вы можете принять это как должное. Поможет ли вам разговор о том, что с вами произошло?"

"Бретт, я думаю, вы единственный человек, с которым я могу поговорить и который поймет и не осудит меня. Это длинная история, но мы можем рассказывать ее медленно и по кусочкам?"

Остаток дня прошел в хаосе, пока я заканчивал собирать вещи для переезда. Мама пыталась помочь, но ей было очень трудно приспособиться к тому, чтобы быть со мной, и в середине дня она разрыдалась и спряталась в ванной. Я вытащила ее оттуда и держала, пока буря не утихла, и ее благодарность была почти неловкой. Когда она сказала мне, что никогда не помнит, чтобы к ней относились с такой добротой и состраданием, я задумался о том, насколько сильны ее страдания.

Я понял, что ей нужно выговориться, рассказать о своих переживаниях и выяснить, как сложатся наши отношения. Однако в тот момент мне нужно было сосредоточиться на переезде, что в ретроспективе было очень хорошо. Это дало маме время адаптироваться к тому, чтобы быть со мной, не торопясь слишком быстро начать рассказ о своей жизни.

Переезд в наш новый дом занял несколько дней, и нужно было приобрести дополнительную мебель и аксессуары. Это был долгосрочный проект, и моя мама получала огромное удовольствие от участия в принятии решений и обустройстве дома.

Через день или два после переезда, в плохую погоду, мы сидели перед открытым огнем и отдыхали. Мама воспользовалась этой возможностью, чтобы рассказать мне кое-что из своей истории. Она рассказала мне, что ее отец был жестким человеком, требовал от нее абсолютного послушания, а в противном случае подвергал жестокому физическому наказанию. Мама поняла, что это была реакция на смерть ее матери, когда она родила мою маму.

Так продолжалось до тех пор, пока в шестнадцать лет она не забеременела мной. Она рассказала мне, что произошла грандиозная ссора, но ее отец заплатил моему отцу деньги, чтобы тот, как он сказал, "забрал ее из моих рук". Мама рассказала мне, что ее отношения с моим отцом, Доном, включали дисциплину и физические наказания, но он был эмоционально недоступен, был отстраненным и не поддерживал меня.

Я знала, что много его энергии было направлено на меня, но у него был жесткий и патриархальный взгляд на мое развитие, он пытался свести к минимуму мои отношения с мамой. Я никогда не попадала в такую ловушку; мы стали часто ссориться, и он все меньше интересовался мной.

Когда мне было шестнадцать лет, мир изменился: мой отец внезапно умер от разрыва аневризмы, и мы с мамой остались практически одни на свете. Я отчетливо помню то время, но мама казалась дезориентированной и неспособной справиться с ситуацией, хотя я старалась поддержать ее, как могла.

Теперь мама набралась храбрости и начала рассказывать мне всю историю, глядя на меня с неловким выражением лица. "Бретт, дорогая, я не знаю, как ты это воспримешь; пожалуйста, не думай обо мне плохо. Даже будучи маленьким ребенком, я понимала, что должна подчиняться. Когда я достиг половой зрелости, меня осенило: мне нужен был кто-то, кто контролировал бы меня, принимал за меня личные решения и диктовал мою жизнь. Я обнаружил, что мне нужна уверенность, и знание того, что есть кто-то, на кого я могу опереться, давало мне единственную уверенность, которая у меня была. Будучи одиноким ребенком без настоящих друзей, я стала больше полагаться на взрослых в своей семье.

В результате мужчины в моей жизни заставляли меня подчиняться им, унижать и наказывать меня, и таким извращенным способом я получала удовольствие. Когда отец шлепал меня, я говорила себе, что как мужчина, "высшее существо", я должна угождать ему. И, несмотря на чувство вины, я получала удовольствие от шлепков. Он никогда не издевался надо мной в сексуальном плане, но иногда я почти желала, чтобы он это сделал, чтобы я могла получить удовлетворение от кого-то другого".

Она продолжила свое повествование. "Сначала, когда я начала доставлять себе удовольствие, я действительно наслаждалась всеми чудесными ощущениями, а потом отец узнал мой секрет и показал мне все свои взгляды на доминирование. Он шлепал меня, называл унижительными именами и унижал, заставляя стоять в углу комнаты в шапочке с надписью "Шлюха". Но, по своей странной манере, я полагала, что это также должно доставлять ему удовольствие, поэтому я позволила этому продолжаться, не то чтобы у меня был большой выбор".

"Потом я встретила твоего отца, и он пошел дальше в идее доминирования. Он шлепал меня и порол, как мой отец, но он также унижал меня на публике и заставлял делать то, о чем я и не мечтала. Он связывал меня и капал горячим воском на соски, связывал мои сиськи и порол их, пока я не закричала, мочился на меня, привязывал меня к А-образной раме и наполнял мою киску и задницу различными предметами. И каждый раз, когда это происходило, я достигала оргазма, который сотрясал все мое тело. Мне это нравилось. Мне нравились все эти мерзкие штучки, и я хотела еще; это стало для меня как наркотик, и я не могла насытиться. Я уверена, что это стало заменой настоящим любящим, заботливым отношениям, которых у меня никогда не было ни с твоим отцом, ни с Реджем. Я находила удовольствие в извращениях".

"Но потом все изменилось. Когда твой отец начал терять ко мне интерес, я стала более нуждающейся, и это должно было проявляться. В конце концов, он стал жестоким, бил меня всем, что попадалось под руку, и это уже не возбуждало, а пугало. А потом он умер".

"Я потерялась. Я не знала, что делать. Я все еще был движим. У меня были развратные, дегенеративные потребности, и не было способа их удовлетворить. У меня были одна или две короткие связи, но они никогда не могли удовлетворить мои потребности".

"Я помню то время, мама", - прокомментировала я. "Ты казалась такой потерянной, и я не знала, что делать, кроме как поощрять тебя поговорить со мной и быть рядом, чтобы поддержать тебя, как только смогу".

"Знаешь, Бретт, ты спас мне жизнь. Если бы не ты, я бы, наверное, покончил с собой. Или, что еще хуже, просто продавал бы свое тело на улицах. Потом я встретил Реджа Рейнберда, и я подумал, что все мои удачи изменились. Начнем с того, что он показался мне таким внимательным, таким благосклонным, что я согласилась выйти за него замуж. Поначалу он тоже был очень хорош в постели и давал мне то, в чем я нуждалась".

"Через некоторое время, медовый месяц, я полагаю, вы могли бы назвать это, он изменился и превратился в монстра, которого вы видели на днях. У него были проблемы с азартными играми, и он слишком много пил. Я умоляла его не выгонять тебя из дома, когда тебе исполнится восемнадцать, но он сказал, что ему на тебя наплевать. Вскоре стало очевидно, что и на меня ему наплевать. Он издевался надо мной ремнями, флоггерами, веслами и тростями. Он заставлял меня спускаться на него не менее двух раз в день, и иногда мне приходилось чистить его задницу своим языком. Это было так плохо, что меня часто рвало, и за это я получала побои".

"Позже он уже не мог поддерживать эрекцию, поэтому перестал заниматься со мной сексом, но когда с деньгами стало совсем туго, он сдавал меня любому, кто заплатит несколько

долларов. Это стало настоящим кошмаром; иногда мне приходилось обслуживать двух или трех мужчин за ночь. Это началось как раз перед нашей последней встречей, и последний год был сущим адом".

"Потом он сказал мне, что собирается продать меня, и сочинял похабные истории о том, как сложится моя жизнь. Я не знаю, когда он подумал о том, чтобы продать меня тебе, но когда он привел меня в ту комнату и я увидела тебя, я хотела умереть. Я не могла заставить своего сына, единственного человека, которого я действительно любила, увидеть меня такой. Но теперь я так благодарна тебе за то, что ты готова выслушать меня, не осуждая".

"Спасибо, мама, я знаю, как тебе было тяжело. Я знаю одно: в том, что с тобой произошло, нет твоей вины, и я не держу на тебя зла. Нам нужно подвести черту и начать все сначала, и я сделаю все возможное, чтобы помочь тебе".

На ее лице появилось странное выражение благодарности, смешанное с каким-то волнением, которое я не смог определить. Но она тепло поблагодарила меня, наградив целомудренным поцелуем в щеку, и на этом мы расстались.

Мы вошли в домашнюю рутину, хотя большая часть моего времени уходила на создание своего бизнеса; я заключил контракт с крупным разработчиком на производство компьютерных игр и уже завоевал определенную репутацию. Мама начала менять себя: она сделала макияж, купила себе новую одежду и записалась в местный спортзал. У нас установились непринужденные отношения, но почему-то мама казалась беспокойной, раздражительной и неуверенной в себе. Я отнесла это на счет ее опыта с Регом, и хотя я оказывала ей посильную поддержку, это не имело большого значения.

Эта теория была разрушена немного позже, и наша жизнь полностью изменилась. Я был в гостях у коллеги, но вернулся домой раньше, чем ожидал. Когда я вошла в гостиную, меня встретил вид моей матери: ее джинсы и простые белые хлопчатобумажные трусики были разбросаны по полу, ноги широко расставлены, колени согнуты, а насыщенная киска непристойно выставлена напоказ.

На ней скакал невысокий, довольно заросший сорняками парень, которому было не больше восемнадцати. Он входил в нее и жестко скакал на ней, нанося короткие резкие удары, а она стонала и извивалась под ним, и оба приближались к кульминации. Он сильно шлепал ее по сиськам, заставляя мою мать кричать, но в ее крике чувствовалось возбуждение и возбуждение, как будто она наслаждалась обращением с ней этого незнакомца. "Возьми все, сучка; возьми мой член в свою нуждающуюся пизду. Кончи для меня, шлюха, когда я залью тебя своей спермой".

Моя мать кричала: "Трахни меня, трахни меня сильно. О боже, мне это так нужно. Обращайся со мной как со шлюхой. Трахай меня как шлюху. О боже, просто заставь меня кончить".

Я увидел более чем достаточно и прервал их трах, крикнув: "Какого черта здесь происходит?".

Моя мать закричала, отстраняясь от пульсирующего члена своего завоевателя, и перекадилась в позу эмбриона на полу. Парень вскочил на ноги, отступая от меня. "Она хотела этого, мистер. Она сделала мне предложение в торговом центре. Она сказала мне, что ищет человека, который хорошо ее отражает, и предложила заплатить мне за это. Она..."

"Убирайся отсюда, жалкое подобие человека. Если я еще раз увижу тебя где-нибудь поблизости, я устрою тебе такую порку, которую ты никогда не забудешь. А теперь отвали".

С этими мягкими наставлениями он выбежал за дверь так быстро, как только его ноги могли его нести, оставив меня разбираться с матерью.

Я ничего не сказал, глядя на почти обнаженную мать, все еще свернувшуюся калачиком на полу, со слезами, текущими по ее лицу. Она медленно встала и схватила халат, с трудом влезла в него, опустив голову, отказываясь смотреть на меня.

"У тебя есть два варианта, мама. Либо рассказать мне, что именно произошло, либо собрать вещи и уехать сейчас же".

Наконец она посмотрела на меня с тем же выражением опустошения и безнадежности, которое я видел, когда в последний раз видел ее с Реджем. "Пожалуйста, не отвергай меня, Бретт. Пожалуйста, не заставляй меня уходить", - всхлипывала она.

Это было далеко за пределами моего опыта, и у меня не было четкого представления о том, как с этим справиться. "Хорошо, мама, ты выбрала вариант "рассказать все", так что тебе лучше сесть и рассказать мне все подробности того маленького эпизода. Все, пожалуйста; не упускай ни одной детали; я буду знать, если ты лжешь". Смелое утверждение, и я сомневался, что смогу его оправдать.

Она всхлипнула и глубоко вздохнула.

"Я не знаю, с чего начать, Бретт, но я попробую. Я уже говорила тебе, как сильно я любила все эти мерзкие вещи, и они стали для меня навязчивой идеей. Я нуждался в этом, как алкоголик в следующей порции спиртного. Жестокое наказание Реджа не избавило меня от этой потребности, я просто заперся в себе, пытаюсь избежать его побоев и обезопасить себя, как только мог. Но потребность все еще тлеет".

<http://erolate.com/book/3/14>